

1349052

Amorphag

B&H

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

31

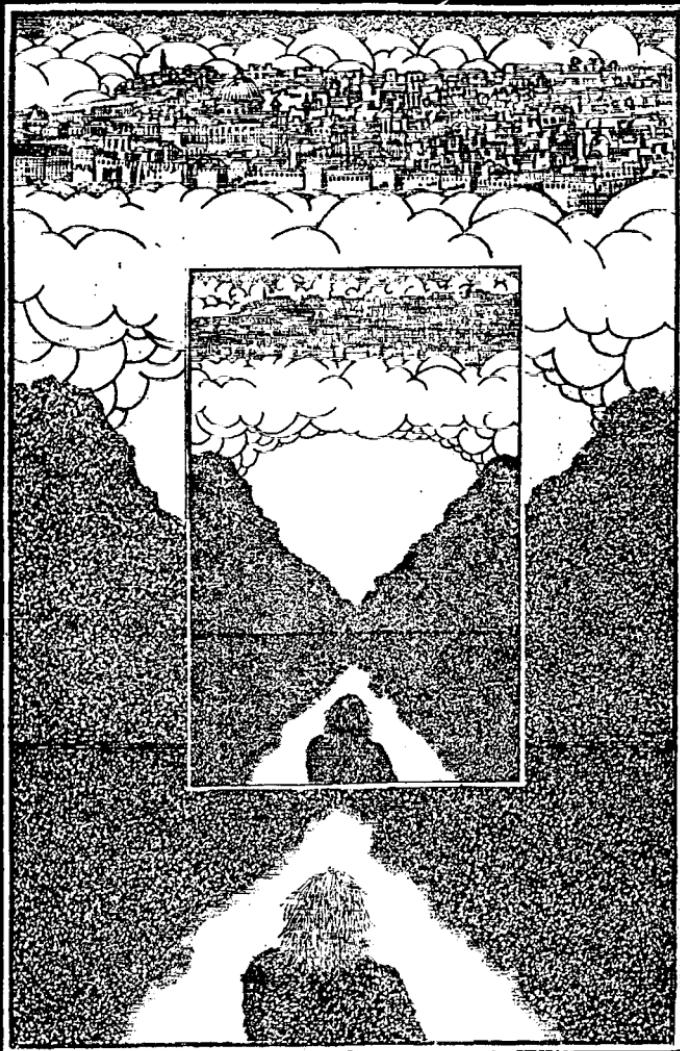
K 1349052

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Вологда
2004

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
А. Климов, С. Бондаренко и др.	4
В МИРЕ РУБЦОВА	12
М. Полетова	12
А. Лукьянов	15
В. Малыгин	16
Н. Переслегина	17
Г. Кулишов	18
Автограф	19
ИЗБРАННОЕ	20
Елена Саблина	20
Александр Дубинин	22
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	24
Лауреат Ю. Максин	24
Вячеслав Белков	24
Константин Павлов	25
Книжная полка	27
КОРОТКАЯ ПРОЗА	28
В. Еременко	28
Н. Бушнев	28
Е. Волкова	30
Н. Усанов	32
ГРАФИКА	34
О. В. Бакуменко	34
Евг. Голяховский	35
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (2)	38

Стихи последних лет

Андрей КЛИМОВ

Говорят, народу нужен гений,
Чтоб он стал и лучше,
и добрей.

Я не гений! Даже не Евгений!
А всего-то навсего — Андрей.
Но пишу
И трачу свои нервы,
Чтоб сказал хоть пьяница один:
— Посмотри, какие же «шедевры»
Накатал Бушковской Нюорки сын!
Я ему понятнее и ближе,
Чем других поэтов батальон.
Потому, что здесь живу и вижу
То, что каждый вечер видит он.
Мне знаком предмет его волнений,
Вместе мы заходим в магазин...
Я не гений! Даже не Евгений!
Просто я Бушковской Нюорки сын.

В АВГУСТЕ

Посмотри,
Как ветер за калиткой
Улицу пустынную
Метет,
Посмотри,
Как небо белой ниткой
Зашивает
Быстрый самолет.
Посмотри,
И сразу станет ясно,
Что уж осень
Близко подошла,

Что теперь
Совсем уже напрасно
Ждать с рассветом
Прежнего тепла.
Посмотри,
Но не жалей об этом,
Нет ведь здесь
И капельки беды.
Пусть же заполняет
Рыжим цветом
Осень свои рощи
И сады...

Я могу
Тебя прославить,
А ославить
Не могу.
Не могу
Одну оставить
На высоком берегу.
Потому, что он ветрами,
Словно мельница,
Продут.
Да и бродит
Там утрами
Неработающий люд.
Я могу
Тебя прославить.
Ты не хочешь...
Что ж...
И пусть...
Ты ушла,
Чтоб мне оставить
Вопросительную грусть.

2. *Красавино*

Николай БУШЕНЕВ

Г. КОНСТАНСКОЙ

В её стихах то солнце, то ненастная
Пора дождей.

То зной, то холода.

Констанская

рифмуется

с «контрастная», —

Бесстрастной не бывает никогда.

Порывистая,

но скорее страстная,

Чем властная.

Вам с нею не до сна!

Констанская

рифмуется

с «шампанское» —

Кипучая, игристая она.

Не шарлатанская,

но что-то есть шаманское.

И «Камушки» прочтя,

услышал я:

Констанская

рифмуется

с «кастальская

Прозрачная и звонкая струя».

Татьяна ХРЫНОВА

ПАМЯТИ В. КОРОТАЕВА

Он был упрям не понарошку.
Свой шаг с другими не сверял.
А взяв старинную гармошку,
Свою ей душу поверял.
И улыбался неуклюже,
Когда шутил порой всерьез.
И был он очень-очень нужен
«Стране из ситца и берез».
И жизнь его неслась, как стая

Прекрасных русских журавлей.
Он не летел, а будто таял
Среди родных своих полей.
Он брал удачу за ладони
И гнал из сердца боль и хмаря,
Чтобы неслась отважно кони
И можно было крикнуть: «Жарь».
Он жил по-русски, простовато
И, отпивая в кружке квас,
Мог так сказать витиевато,
Что попадал не в бровь, а в глаз.
Он не ронял слезу напрасно,
Предвиде розовый конец.
Он жил воистину прекрасно
Как сын земли, ее певец.

2. Сокол

Татьяна ЛАВТАКОВА

ЗАВЕЩАНИЕ

А душа и чиста, и румяна,
Будто не было бсд окаянных,
Будто в баньке сегодня намылась,
Будто что-то такое случилось!
Не расскажешь ни словом, ни жестом,
Будто снова я нынче невеста,
Пред вечной заветной дверью
В чистоту безграничности верю.
Только миг, только шаг — без возврата,
И не горестна жизни утрата.
Вспоминайте не лихом — я в свете,
Всем терпенья, и мира Планете!

Артем КУЛЯБИН

НАЧАЛО

Соловьи разбудили меня!
А в окошке какая-то сила

Над порогом грядущего дня
Не спеша поднимала светило.

Истомившись в угарной ночи,
Окна слезно просили прохлады,
Восходящего солнца лучи
Поливали капустные гряды.

Все прошло, что терзало меня,
Снова сердце покоя дождалось.
Свет. Начало грядущего дня.
Всей непройденою жизни начало.

Иван БАРАНОВ

Мой Бог — Пoesия, и я
Над вымыслом смеюсь и плачу.
Решаю скромную задачу:
Подслушать песнь у соловья.

Хочу озвучить мир цветов
Кувшинок, лилий цвет и запах.
Крадется ночь на мягких лапах
И шепчет песню про любовь.

А ночь без звезд темным-темна.
Повешу месяц над окошком
И сыпну звезды из лукошка,
Чтоб душу высветить до дна.

Александр КЛИМОВ

Промелькнули беспечные дни — .
Прошлой юности праздник минувший.
Хоть давно отпыхали они,
Я иду на огонь непотухший.

Одиночной фигурой в окне
Ты стоишь, как черемуха, в белом.
Пронеслась моя жизнь, как во сне,
Между Богом, и словом, и делом.

Память гасит во мраке свечу,
Что пылала в минувшем, далеком.
Оглянусь, улыбнусь, прошепчу,
Чтоб не стало тебе одиноко.

2. Сокол

Галина КОНСТАНСКАЯ

Протопчи дорожку, милый человек.
Протопчи тропинку через глубокий снег.
Протопчи скорее, уведи с собой —
Мне одной тоскливо слушать выюги вой.
Мы в твоем домишке печку разожжем:
Затрещат дровишки, вспыхнут огоньком,
Мы вдвоем у печки сядем на полу —
Горести забудем, непогоды и мглу.

Юрий МАКСИН

Давай не думать ни о чем.
Еще придет пора,
когда молва
за палачом
пошлет уже
с утра.

Давай сегодня отдохнем
от всех забот земных.
Давай споем.

Давай споем
о нас
и о других...

Святой мелодии тепло
растопит черный лед.
Заснет
завистливо зло.
На целый день
заснет!

И если утром не поймут,
что было этим днем,
пускай
пошлиют,
пускай пошлиют
за палачом!..

Константин ПАВЛОВ

* * *

Жизнь или деньги, —
требует банлит.
Возмущены вы:
— что это такое?!
А рядом тихо
жёнушка стоит,
Она берёт и то с вас,
и другое.

* * *

Пустую душу
не залить вином,
Пустое сердце
вьюга не остынет.
Наступит день.
Но с этим новым днём
Кого-то на Земле
уже не будет.

* * *

Жизнь бабочки мечты
не лищена.
И пусть судьбы
отпущенено так мало:
Для счастья ей
всего лишь ночь дана...
Зато она
всю эту ночь
летала.

Сергей БОНДАРЕНКО

НАЕДИНЕ С ГИТАРОЙ

Светло взгрустнули фонари.
Полночный мрак все глуше,
глуше.
Гитара, черт тебя дери!
Зачем зовешь к себе, кликуша?

Аккордов медные гроши
В пучину памяти швыряешь.
Уж не за золото ль души
Ты извести меня желаешь?

Куда пытаешься умчать
Мое смущенное сознанье?
Ах, если б мог я отгадать
Себя — загадку мирозданья!

Зачем от прошлого бегу,
Чему-то новому довлея,
И все же, словно сапогу,
Молюся с жерновом на шее?..

Но как могуч твой перезвон! —
В минуту прожито лет двести.
Снутри мой взгляд —
спугнешь ворон,
Снаружи — хоть сейчас к невесте.

Звени, душа, ликуй и плач!
Пускай достанется с лихвою.
Пускай играют музы в мяч
Моей печальной головою.

Татьяна ЕРМАКОВА

* * *

Ты будешь тихим и нежным,
И нежность будет безбрежной,
Я буду тихой и нежной,
А за окном будет снежность.

Снежинки, блёстки как будто,
Тихонько будут кружиться.

И будет зимнее утро
Искриться и серебриться.

Под нейой снежного плены
Ветвей кораллы прогнутся,
Всё будет так непременно,
Тебе с утра улыбнусь я.

Я буду тихой и нежной
И нежность будет безбрежной,
Ты будешь тихим и нежным,
А за окном будет снежность.

Тишина снега,
Чистота снега,
снега
нега.

г. Белозерск

Сергей КОРОБОВ

* * *

Хорошо по-немецки в знакомой семье говорят,
В совершенстве чужим языком овладеть в ней сумели.
Потому ли в семье наблюдаю согласье и лад
Или дело в другом, объяснить не могли, не хотели.

Полагаю, что всё же собака зарыта не там.
Вероятно, любовь была главною частью секрета.
И всегда почему-то в семье были рады гостям.
Я-то видел, что нет, не притворство-радущие это.

И как водится, я там, конечно, частенько бывал.
По законам известного жанра текло угощенье
В основном мимо рта, но зато в той семье отыхал
От беды и тревог, и прощали меня за вторжение.

А при чём тут, скажи, иностранный язык? Ни при чём.
Всё равно я завидовал этой семье и укладу
Той разумеренной жизни. С немецкою точностью дом
Педантично живёт. Но гостям там по-прежнему рады.

с. Шуйское

Артем БАБИЧЕВ

ПАРАДОКСЫ

За обломом облом.
Провал за провалом.
Против лома борется лом.
Кретин командует болваном.
Средств нет, а деньги есть.
Есть выбор, но альтернативы нету.
Глупость делается по уму,
А мудрость у нас не в почёте...
Ещё многое вещей, которых я не пойму.
Прочтите, может вы поймёте.
Ведь жизнь — сплошной парадокс.
До смерти мы бежим,
А с рождения лупимся в бокс.

п. Шекспир

Наталья СТАРЕВА

MAME

Ранней весною плачут березы.
Смотрю на березы, плачу сама.
Хоть у березы сладкие слезы,
Солеными плачешь ты у окна.

Летом, как снегом, дом обнесет
Тополь могучий пухом своим.
Прошлое наше с тобой не уйдет.
Мы все расскажем внукам твоим.

Осенью плачут деревья листвой.
Может быть скоро увижуся с тобой.
Вот лужи покрылись коркою льда,
А мама родная скучает одна.

г. Белозерск

Светлана КОРЧАГИНА

ПОРТРЕТ

Портрет меня опять чарует.
Глаза прекрасны и чисты.
Улыбка дерзкая волнует
Мои сердечные мечты.

Костюм ушедших вдаль столетий
Из белого атласа сшит.
Он позолотой меня слепит,
Своей изящностью пьянит.

Какую тайну он скрывает
За той улыбкой, полной чар?
Зачем он взглядом распаляет
В душе моей любви пожар?

Зачем пред ним благоговею,
Ведь это только лишь портрет.
Но я других спросить не смею,
А у него ответа нет.

п. Кадуй

Елена БЕЛОВА

БАБУШКЕ

Сегодня в городе шел снег,
Он мокро таял на одежде.
Сегодня умерла навек
Последняя моя надежда,
Что он придет ко мне, как прежде,
Родной любимый человек.
Прощай! Прошу тебя, прости!
Хотя слова мои — пустые.
Я не смогла тебя спасти,
Я не могла твой крест нести,

Мы все ведь люди занятые...
Все ложь! Все ложь... слова пустые.
Пусть непонятно всем вокруг.
О чём молчать я больше стала.
Но только поняла я вдруг,
Что сердца нет! — кусок кристалла.
Прости меня... я так устала...
Я засыпаю... Здравствуй, друг:

г. Вологда

Елена ОСТРЕНКО

Ты глазами каменотёса
делаешь со мной, что хочешь,
мой язык лишь вернуться просит
молитвами каждой ночью.
Ты молчанием смерти в трубке
бросаешь об стены — страшно.
Мой язык, словно в мясорубке,
скоро станет котлетным фаршем.
Ты в ноябрьском холоде ветра
мне на голову — пепла горсти,
бросив вместо ответа
под ноги мои кости.

г. Череповец

Елена ГОРБУНОВА

Идя по лезвию ножа,
Боясь расслабиться невольно,
Игрою тешилась душа.
Она ступала не спеша,
Хоть знала, как ей будет больно.

Едва сорвёшься, сердце в кровь,
На нём и так сплошные раны.
Зачем же в море грёз и снов
Ты непокоя ищешь вновь
С судьбою споря постоянно?

Любовь — безумная игра
В ней стоит только оступиться,
Но пусть она как нож остра
Хочу я завтра, как вчера
Любовью допьяна напиться.

г. Череповец

Владислав КОКОРИН

НА ЧЕТЫРЕ БУКВЫ...

«Пошлем на факс», — так мне сказали.
И стал я маковку чесать, —
Куда хотят меня послать?!

«На три, там, буквы или пять», —
Тут все понятно, эти «дали»
Всем приходилось посещать.

(Сказать не для всего народу,
Так я не там еще бывал.
Но «на четыре буквы» сроду
Меня никто не посыпал).

Слова заморские гурьбою
Катятся к нам «из-за бугра»,
Не будет нам от них добра.
А «резюме» здесь вот какое:

Любителей заморских слов
Пора считать за холуев!

Еще для них словцо я знаю:
Как раз четыре буквы в нем.
Туда я их и посылаю!
А мы за ними не пойдем.

Вера КАПУСТИНА

БУДНИ УЧИТЕЛЯ

Сегодня день пустой и серый.
Все дождь и дождь, и много дела.
Тетралки, кухня, вновь тетрадки.
Потом в обратном все порядке.
Посуды грязной — миллион...
И песни под магнитофон.

Людмила ДАНИЛОВА

* * *

Иней на деревьях. Ночью выпал снег.
И мороз трескучий начал свой забег.
Много дел сегодня у него с утра.
Зимнюю дорогу накатать пора.
Реки и озера подо льдом укрыть.
Модную одежду для деревьев сшить.
Заступает вечер. Спать ложится день.
Лютому морозу вкалывать не лень.

2. *Грязовец*

Виталий СЕРКОВ

РАПСОДИЯ

«...У теплой сумрачной ограды
Повис на яблоне ошейник...
...Пылит стальная кобылица,
Она несет меня к Парижу.
В вагоне темном, у «Стенвея»,
В густом колесном перестуке,
О Доме Отчим тихо плачут
Его истерзанные руки».
(Татьяна Соколова.
«Рапсодия Рахманинова.»)

Читал я, постепенно стервенея:
Да чьи же это «тихо плачут руки»:
Парижа, перестука иль «Стенвея»,
И кто виной за струи слез, упруги?

Ах, Боже мой, и поезд тормозами
Скрипел весь путь, и грустно звякал сидор...
Конечно же, на клавиши глазами
Давил, руками плача, композитор.

И, ноги подогнув на нижней полке,
Он выпил от изжоги ложку соды,
Представив, что несется на двухколке
По Питеру под музыку рапсодий.

Очнувшись, за окном увидел лица,
Герасим вел Му-Му, скрипел ошейник...
«Куда ты припрылила, кобылица? —
Вскричал: — О, Блок!

Верни назад, мошенник!»

* * *

«Я должен был родиться журавлем...
...Я помню, как в далеком октябре,
Когда мне шел десятый день от роду,
Отчетливо по небу на заре
Шли журавли... И славили свободу».
(Глеб Горбовский.

Из книги «Сорокоуст» 1991 г.)

Почто мне вратъ: когда меня носила
В угробе мать, я слышал журавлей
И то, конечно, как она просила:
«Пинай в живот не больно, дуралей».

Хоть крылья за спиною шевелились,
Не ведал я, что стану журавлем,
А лишь родился — сразу же свалились
Талант летать и быть большим врагом.

Я в августе рожден и в октябре же,
С пеленок, был назначен вожаком.
Но в небе вспоминается все реже,
Что мог бы стать обычным мужиком.

В мире Рубцова

М. А. ПОЛЕТОВА,

Москва

«КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»

(Пушкин и Рубцов)

Обстоятельства требуют, чтобы тема «Пушкин и Рубцов», а тем более стихи этих поэтов, стали предметом обсуждения. Мы предлагаем поразмысльить над необыкновенно сильными и гениально-пророческими стихами двух поэтов — «Клеветникам России» А. С. Пушкина и «Видение на холме» Н.М. Рубцова.

Оба написаны почти через двадцать лет. Первое — после Отечественной войны 1812 г., второе — после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В обеих войнах Россия вышла победительницей, освободив от врагов не только свое отчество, но и страны Западной Европы.

Вместо благодарности, начала зарождаться неприязнь, вражда и даже ненависть к стране-освободительнице. Все это почувствовал Пушкин:

*«О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?»*

.....

*И ненавидите вы нас ...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ли, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искутили
Европы вольность, честь и мир?»*

Для Пушкина было ясно, кто и как выступает против его отечества, почему и стихотворение он обозначил: «Клеветникам России». Поток клеветы, двусмысленностей, недомолвок Александр Сергеевич, как поэт, чувствовал особенно обостренно. Чем же была так недовольна и возмущена Европа? Формальным поводом послужили трения с Литвой, которые поэт определил как «семейное славянское дело».

*«Что возмущило вас? волнение Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы».*

Далее Пушкин напоминает о мощи России:

«Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас?...»

Поэт знал и чувствовал, что в результате открытого и честного боя «...стальной щетиной сверкая» «...встанет русская земля...» и выйдет победительницей. Он предлагает «клеветникам» открытый бой:

«Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди не чуждых им гробов».

Честный, благородный бой означал для врагов России поражение. Вот почему сразу же после освобождения Европы в 1812 году начинается та форма политической борьбы, которая в следующем, XX веке, получила определение «холодной войны». Основным оружием была клевета. На этом поле боя Пушкин оказался единственным воином, в силу своего таланта, страстью любви к Родине и бесценного поэтического дара, которым наградил его Бог.

Опасность и очевидное поражение в честном поединке с Россией понимали многие. По иронии судьбы даже Гитлер писал в «Майн кампф» о том, что в открытом бою Россию не победишь.

В конце 1945 г. уже Аллен Даллес в своём послании Конгрессу предлагает единственно возможный, по его мнению, способ борьбы с нашей страной: «Окончится война, и мы бросим все, что имеем, на оболванивание и одурачивание русских людей. Мы незаметно подменим их ценности на фальшивые».

Забегая вперед, отметим, что уже после раз渲а СССР, когда казалось, что все цели достигнуты и Россия погибла, «специалист по России» З. Бжезинский определяет нового врага Запада и США: «После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское Православие».

В первой половине XIX в. подобных изощренных видов войны еще не существовало. Оболгать, ошельмовать, передернуть факты, многозначительно и молчаливо осудить — вот первая отработка форм борьбы с Россией начатая после 1812 года и так многограново и талантливо продолженной в следующем столетии.

После победы СССР в Великой Отечественной войне наступила так называемая «хрущевская оттепель». Гражданский пафос известных поэтов — Е. Евтушенко и А. Вознесенского был направлен на обличение уже ставшего неопасным Сталина. В тоже время активно и с любовью был романтизирован образ Ленина, который, по словам А. Вознесенского, для «сердца и для знамен».

В своей книге «Спасите наши души!» священник Михаил Ходанов, характеризуя это время, писал, что советские люди были раздавлены «соцбытом, барабанно-лагерной, сцё на-

полнявшей воздух психологией... социальной жестокостью, бесправием, мучительным безверием, принудительной обезличкой и уравниловкой».

В то время, как «флагманы свободомыслия» занимались «очищением коммунистических идеалов» и «заветов Ильича», у поэта Н. Рубцова рождаются строки:

«*Еще мужчины будущих времен —
Да будет воля их неустрашима!
Разгонят мрак бездарного режима
Для всех живых и подлинных имен!»*
«(«Поэт»)

Война тайная, скрытая, как бы стояла в воздухе, несмотря на мирные послевоенные годы. Её чувствовали все, но открытого боя не было. Н. Рубцов передает это ощущение народа уже в начале 60-х годов. Простая старушка в стихотворении «Русский огонек» спрашивает: «Скажи, родимый, будет ли война?» Ощущение войны было, но той, знакомой многим поколениям русских, по всем приметам не было. И поэт отвечает:

« — Наверное, не будет.
— Дай Бог, дай Бог... ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... —
И вдруг опять: — Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет!
— Дай Бог, дай Бог...»

Николай Рубцов подтверждает, что войны не будет, но использует причастие «наверное». Он чувствует, так же, как и эта простая крестьянка — что-то происходит. Мирной жизнью назвать существующее положение трудно. Рубцов, как поэт, чувствует надвигающуюся опасность, предвидит ее и всеми силами своего таланта встает на защиту Родины. Николай Михайлович начинает работу над самым известным и классическим своим стихотворением «Видение на холме».

Если А. С. Пушкин ясно понимал и видел, кто клевещет на Россию, обличал «клеветников» и напоминал им о бесславном конце в случае открытой борьбы, то Н. М. Рубцов находился в другом положении.

Пушкин — аристократ, знаменитый поэт, чьи стихи с нетерпением ждала читающая публика, на равных беседующий с членами царской семьи и т. д. То, о чем писал и кого предупреждал поэт, он знал лично. Вполне возможно предположить, что «клеветники» были люди одного с ним круга.

Рубцов же был детдомовским мальчиком, бывшим матросом и рабочим, практически до 33 лет не имеющим своего дома и, кроме того, поэтом, чьи стихи вызывали не только опасение власть имущих, но и ревность к его таланту. Ни в какие высокие властные структуры он не был вхож. Откуда же у поэта такое обостренное чувство беды, приближающегося несчастья?

Видимо, Рубцов обладал редким и бесценным свойством подлинного гения — даром предвидения. Поэт видел и ощущал, недоступное другим. Вот почему и стихотворение свое

он назвал «Видение...». Как набат, как призыв-молитва звучат его строки: «Россия, Русь! Храни себя, храни!». И тут же предупреждает:

«Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили...»

Черный крест — это не тот Голгофский крест, за которым следует Воскресение. Это тот крест, с которым в 1204 году крестоносцы разграбили Константинополь, крест, с которым в середине 13 века они пытались захватить Русь. Уже в середине XX века «новые крестоносцы» с черными крестами на танках и самолетах пытались уничтожить нашу страну.

А.С. Пушкин и Н. М. Рубцов — поэты, наиболее щедро отмеченные Богом, светоносные и яркие. Составляя единое целое со своим отечеством и народом, обостренно воспринимая любые происходящие события, эти* поэты обладали бесценным даром пророчества. Их участь таинственна и непостижима — они всегда кому-то мешают, всегда неугодны и неудобны. Своим СЛОВОМ они, порой, изменяют ход истории. Такие поэты погибают первыми.

Анатолий ЛУКЬЯНОВ

Известный политик, патриот, поэт. Собрал голоса лучших поэтов 20 века.

ВЕЩИЙ ВСАДНИК

Дайте волю ветрам и громам,
Русским песням о вере, о жизни! .
Гулко скакет поэт по холмам
Задремавшей в печали отчизны.
Скачет всадник любви и судьбы,
Осеняя знаменьем могилы,
Умоляя — проснитесь, рабы,
Чтоб в веках себя Русь сохранила.
Пусть бессонные наши леса,
Родники и святые колодцы,
Пусть стゾвонная наша краса
На молитву его отзовётся!
Невчий отрок, святой Николай,
Поборов все невзгоды стихии,
Покиная свой горестный край,
Скачет к нам через беды России.
Он летит сквозь века и огни
И призыв его мрак не потушит.
Сохрани себя, Русь, сохрани
Свою светлую вечную душу.

ПЕРВЫЙ СНЕГ В ВОЛОГДЕ

Осени холодное дыханье.
Первый снег нагрянули и затих.
Мчатся облака — воспоминанья.
Не могу избавиться от них.
С ними звуки музыки печальной,
Образы поэтов и певцов,
С ними голос твой исповедальный,
Свет и боль российская: Рубцов.
С ними сердца нашего примета —
Песни петь от первого лица.
Нет без боли русского поэта,
Нет без страсти кисти и резца.
Свет их через тернии и грозы,
Как звезда над ширью полевой...
И шумят озябшие берёзы
Над моей усталой головой.

г. Москва

В. МАЛЫГИН

Н. ПЕРЕСЛЕГИНА

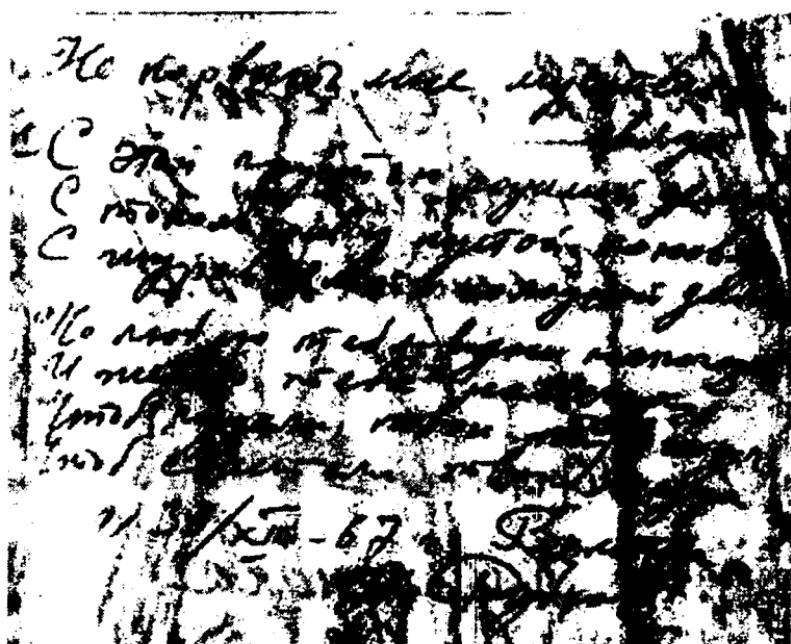
1349052¹⁷

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

Всюду снег — и всё забылось,
Чи душа бояла пойти!
Сердце проще другу забылось,
Словно вспах и вспах.
Вдоль по улице по узкой
Городской мглистой бетонке,
Красотого здравнерусской
Сновицей городок.
Снег лежит на храм и Содом,
На земли, а их не снесё.
Снег лежит по всей России,
Словно вдосадка бессты.
Снег лежит — гляди и слушай!
Так вот, прощай и хитро:
Низкие города вражеским душам...
Ну и ладно! И добро!

АВТОГРАФ

Недавно найденный автограф Рубцова

Елена САБЛИНА

Я знаю сад. И в непогоду
Дремучий сон его глубок.
Там создала себе природа
Печали тайный уголок.
Там, затаившись в темных кронах
Дубов, картаев и кривя,
Мне пела старая ворона.
Куда нежнее соловья...

1972 г.

Я за собой водила толпы,
Я пропадала допоздна,
И справедливы были толки,
Что я неверная жена.

Да, не верна я, это скверно.
Зато уверена вполне,
Что очень много женщины верных
Тайком завидовали мне.

Если ты придешь к грузину,
Будет рад тебе грузин.
Пьет он собственные вина
И не ходит в магазин.

Заходи в любую пору
И не прошен и не зван.
Все равно ты будешь дорог.
Все равно ты будешь пьян.

А. Лисину

За то, что нелегкую долю
Ты принял, как дар, не скорбя.
Была бы на то моя воля.
Как я наградила б тебя!

И ты получил бы в награду
За нежность, за слезы, за труд
Глухую заброшенность сада,
Заросший кувшинками пруд.

И тихо, от всех в отдалены
Угасли б, как светлые дни.
В каком-нибудь древнем селеньи
Последние годы твои.

Все в этот вечер складывалось скверно.
Я помню: за окном метался снег.
И против ветра по пустому скверу
Все время шел какой-то человек.

Куда он шел... Топили в доме печи.
Съезжались гости, хлопая дверьми.
И задувал рождественские свечи
Холодный ветер, впущенный людьми.

И все вокруг — глухие скрипы двери.
Ребенка новорожденного плач.
Все отзывалось близостью потери
И голосом грядущих неудач.

И этот мир, в котором мы играли
В какую-то печальную игру.
Стихии мрака снегом заметали.
И человек скитался на ветру.

В. Егоров. Портрет Елены Саблиной

ГРОЗА

В майскую ночь
После долгой истомы
Город не спит, растревоженный громом.
Ибо еще с Воскресенья Христова
Люди не слышали грома такого.
По коридорам зашаркали танки,
Плачут младенцы и крестятся бабки,
Кто-то, едва запахнувши подол,
Шарит на полке родной валидол.
Спит только он. Исхудавший и строгий.
После нелегкой и долгой дороги
В майскую ночь возвратившись домой,
Мой ненаглядный, единственный мой.
Город не видит, хотя и не спит,
Огненный конь над землею летит,
Ноздри вздымая и жарко дыша,
Мощным копытом плансты круша.
Город не видит, как где-то вдали
Тихо копыта коснулись земли,
Как из развернутых громом небес
Быстрая молния канула в лес.
Вот уже мчится по тверди земной,
Сильные крылья сложив за спиной,
Сквозь буреломы и темные ели
К страшной, запретной, неслыханной цели,
Мчится к далекой реке, за которой
Гасит огни растревоженный город.
И не увидел никто на земле,
Как он скакал одинокий во мгле,
Как, обогнув монастырь и погост,
Огненный вихрь пролетел через мост.
Вот уже площадь, столбы, поворот,
Мокрые липы у ржавых ворот,
Вот покосившийся старый забор,
Куст бузины и тропинка во двор.
Вот он домчался, взвился и со стоном
Встал под распахнутым нашим балконом.
Не просыпайся, единственный мой.
...Это за мной.

2000 г.

Александр ДУБНИН

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Вспять потекли, заболотились реки.
Было обещано в кои-то веки.

Тучам под стать, изнемог человек.
Взорвано небо содранных век.

Глаз не закрыть. Не сослаться на время.
Жизнь человека — старая тема.

Тошнее стадо. Богатый пастух.
Не напрягайте душу и слух.

Бомж-попрошайка на каждом углу.
Нищему нищий своротит скулу.

Самый счастливый не ходит пешком.
Смерть не объедешь. Оставь на потом.

Как ни крутись, а не вечна халыва...
Эх, дождалася крутого канавы!

А ведь бахвалился: «Все нипочем!»
Богу помолимся... Труп обогнем.

* * *

Наши крыши шерстит ветерок.
Шифер съехал. Промок потолок.

То-то весело... Скоро зима.
Утепляем, как можем, дома.

Путь, усыпанный свежей листвой.
Тополь рухнул вчера вековой.

На отшиб. В избушке пустой
Ураган поработал другой...

Тополь — улицы сторожил,
Ты надолго своих пережил.

Чтобы ярко горели дрова,
Согревая у вечного рва.

* * *

Разверзлась пропасть между нами
И осветилась звездами.

Не каждый в бездну заглянул,
Но всяк услышал бездны гул.

По обе стороны границы
Искажены тревогой лица.

Где нам завещанный покой,
Край,
Чтобы жить одной судьбой?!

Под нами пропасть ледяная,
Над нами хмурится другая.

Кто эти склоны обживет:
Пустые камни, мох да лед?

Враждою мир преображай:
И утверждай, и искажай...

Звучат магические строки.
Молчат витии и пророки.

Гудит рассерженный народ.
Где «саду цветь», — там огород.

Открылась бездна на пути:
Ни обойти, ни перейти.

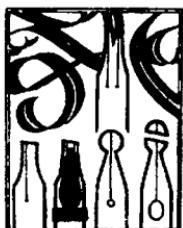
* * *

Дельцы, мертвцы и поэты
Вершат мировые дела.
Разбиты народы, раздены
Вождями, считай, догола.

Заявятся вдруг проходимцы,
Все вместе нашарят пятак.
«Ты должен теперь измениться.
Займи свое место, дурак!»

Работай — и будет корова...
Не надо считать медяки.
Поэту — достаточно слова.
Все ночи ему — коротки.

Поэту — скандальную славу.
Дельцам — неразменный пятак.
Вождей закопали ораву —
Пусть купит корову дурак!

ЛАУРЕАТ ЮРИЙ МАКСИН

Новым лауреатом «Автографа» стал Юрий Михайлович Максин, постоянный автор нашего журнала. За стихи и прозу последних лет.

Юрий Максин — автор нескольких поэтических книг, член Союза писателей России. Его стихи покоряют неподдельным лиризмом и точностью слова. Живет и работает поэт в городе Устюжне. Поздравляем с наградой!

Редакция

Юрий МАКСИН И СЛЫШИТСЯ ГОЛОС ПОЭТА

Ю. Максин
Гравюра Е. Лебедева

В минувшем году была опубликована книга писателя Вячеслава Белкова «Рубцов сегодня» (очерки и размышления). Объем ее невелик, но это очень «густая» книга.

Последнее десятилетие в России значительно «пожелтело», окунувшись в цвета бульварной прессы. Ее интерес к имени Рубцова, в связи с историей его гибели, не случаен. Но за рамками скандальных публикаций остается суть творчества гениального русского поэта.

Голос рубцововеда Вячеслава Белкова порой звучал на этом фоне почти одиноко. Но капля камень точит... По крупицам собирая свидетельства современников, ранние варианты произведений Рубцова, популяризируя его творчество, он достиг того понимания поэта и поэзии, которое сейчас вряд ли есть у многочисленных скороспелых публикаторов и составителей рубцовских сборников.

А потому настоящее рубцововедение без Вячеслава Белкова сейчас просто немыслимо. Он знает о поэте практически все (хотя не был знаком с ним лично), так как знает по сути, а не только по фактам биографии. Именно так и должна создаваться биография поэта, когда его жизнь становится для биографа жизнью близкого, любимого, бесконечно дорогого человека.

Читая многочисленные выпуски «В мире Рубцова» (очень точно найденное название), которые уже много лет готовит и издает с помощью своих друзей Вячеслав Белков, часто ловил себя на мысли, что слышу как бы голос самого поэта. Такая магия настоящего жизнеописания дорогого стоит.

В последней, по времени издания, книге о Рубцове, о которой идет речь, это получилось наиболее ярко. Моя жизнь уже не позволяет тратить время на перечитывание той или иной книги из собственной библиотеки. А вот книгу «Рубцов сегодня» перечитал. И благодарен автору за то, что сумел донести до меня дыхание жизни поэта. Я бы назвал его очерки и размышления биографией поэзии в ее проявлении через Николая Михайловича Рубцова.

И хотя мы живем уже не в двадцатом, а в двадцать первом веке (эта грань времени условна), поэт остается нашим современником. Прочтя «Рубцова сегодня», это чувствуешь интуитивно, и доказательно. Не ошибусь, сказав, что он сейчас самый издаваемый и самый читаемый русский поэт.

Не умаяя ничьих заслуг, хочу сказать, что издание полного собрания сочинений Рубцова с необходимым комментарием еще впереди. И кропотливая работа по его созданию уже почти выполнена, и выполнена не сухим букводом, а очарованным вологжанином — рубцоведом Вячеславом Белковым.

В книге «Рубцов сегодня» он приводит слова Георгия Свиридова о поэте: «Николай Рубцов — тихий голос великого народа, потаенный, глубокий, скрытый». Для того, чтобы он был услышен, уже много лет работает писатель Вячеслав Белков.

Свою первую книгу о поэте он назвал «Неодинокая звезда». Но не в том смысле, который заложен теперь в словосочетании «фабрика звезд», уничтожительном, на мой взгляд, по своей сути. Мне думается, уже тогда, в 1989 году, этим названием писатель Белков интуитивно определил главную задачу своей жизни — донести свет поэзии Рубцова до современников, на долю которых выпало «время перемен». И он с этой задачей справляется. А раз так, значит «звезда полей», звезда Рубцова, действительно, неодинока...

«ВРЕМЯ ДОЖДЯ»

Стихи вологжанина Константина Павлова я знаю давно. Но вот недавно в короткий срок он выпустил три книги своих стихотворений. О последней из них и пойдет речь, она называется «Время дождя».

Известно, как важны в стихах первые строчки, они должны сразу захватить читателя:

*Ну здравствуй, нежная,
я по тебе скучаю,
И дочку нашу вижу
льши во сне.
С ее улыбкой
я рассвет встречаю,
А засыпаю —
ты приснишься мне...*

Такие строки хочется петь. В лучших своих стихах Константин Павлов раскован и лиричен. А к лучшим стихам сборника можно отнести также — «Кленовый лист ладошкою

махнет...», «Живи, как умеешь...», «Мы все нашли, что так хотели...», «Я старше стал на год...» и другие. В таких стихах автор не рассуждает о чувствах, а чувствует и передает свое настроение читателю. А надо ли говорить, как важно в поэзии настроение. У Константина Павлова это настроение чаще всего романтическое, и это неплохо, если вспомнить целый пласт русской литературы.

Знаю, с каким уважением относится К. Павлов к поэтам-вологжанам Яшину, Рубцову, Романову... Но мы не увидим в его стихах прямых влияний или заимствований. Он пытается идти своим путем и искать свои слова, но в русле традиции.

У меня есть сын и дочка,
Карандаши и три листочка,
Хлеб и масло есть к столу.
Самовар стоит в углу...
Я люблю и дождь, и снег,
И жару без пыли.
Я — счастливый человек.
Что бы ни говорили.

И если вспомнить название книги, то получается, что время дождя — это время размышлений о душе человеческой, время мечтаний и сильных чувств.

Вячеслав Белков

ФАКТЫ И МНЕНИЯ:

Как нам сообщили из США, в Нью-Йорке живёт и работает ещё один потомок Александра Пушкина, его прапраправнук Александр А. Пушкин. Он родился в Москве в 1957 году, и вот уже 15 лет со своей женой Натальей живет в Штатах. Александр А. Пушкин принимает активное участие в работе Первого музея А. С. Пушкина в США, входил в состав жюри литературно-поэтического конкурса «Надежды Лира Золотая», о котором в свое время писала «ЛГ». Недавно в Нью-Йорке в Пушкинском зале издательства «Слово-World» прошла презентация новой книги стихов «Произвол судьбы» Александра Александровича Пушкина, прапраправнука гениального поэта России. Александр А. Пушкин прочитал свои стихи, ответил на многочисленные вопросы.

«ЛГ»

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Геннадий Бахвалов «Ступени лет своих считая...». стихи, Устюжна, 2003. Автор родился в 1938 году в Череповце. Сейчас на пенсии.

Игорь Эпанаев «Лирика», Череповец, 2004. В книжку вошли как известные, так и новые миниатюры автора.

«Автограф», № 30, Вологда, 2004. Юбилейный номер литературно-художественного журнала. Стихи Ю. Максина, Т. Ржаниковой, В. Серкова, Т. Петуховой, К. Павлова, А. Климова и др. Статьи о Рубцове А. Грунтовского и В. Белкова. Графика М. Фрама, Бурмагиных, Л. Щетнева, В. Анкудинова. Литературная критика.

В. Шагинов «В круговороте превращений», стихи, Череповец, 2003. Художник и поэт, живет в Череповце.

Валерий Синицын «Мост вздохов», стихи, Вологда, 2002. Редактор — Б. Чулков, тираж 999 экз.

В. Синицын «Попытка наведения на резкость», Вологда, 2003. Вошли стихи и трехстишия.

Валерий Останкович «Аварэ», стихи, Вологда, 2004. Рисунки А. Синицына и А. Ивановой.

Юрий Максин «Который час сегодня на Земле?», стихи, Вологда, 2004. Тираж 2000 экз. Новая книга известного поэта.

А. Киров «Лирический роман в поэзии Рубцова», автореферат диссертации, Вологда, 2004.

Короткая проза

Владимир ЕРЕМЕНКО

ПЕРВОЕ ПОМИЛОВАНИЕ

Писатель и председатель Комиссии по помилованию при Президенте Приставкин слепил за своим здоровьем и по утрам совершал пробежки. Как-то, когда он был еще малоизвестным писателем и человеком, далеким от политики, он жил в Доме творчества в Переделкино и спозаранку пробегал мимо хозяйственного двора, где жила злобная старая сука. Она любила тихонько подкрасться сзади к прохожему и тяпнуть его за ляжку. Тяпнула она и ничего не подозревающего Приставкина. Да так тяпнула, что не только ляжку прокусила, но и разорвала дефицитный финский костюм. Анатолий Игнатьевич устроил разнос директору хоздвора и приказал уничтожить злобную сукку. Перепуганный директор обещал все исполнить в лучшем виде, и Приставкин, смакуя отмщение, отправился в Москву, где потребовал от руководства Литфонда 120 рублей компенсации за погубленный литфондовской сукой импортный костюм. Получив деньги, он поехал в литфондовскую поликлинику пролеззинфицировать укус.

Ласковая врачаиха обработала рану и сделала укол. •

— Это на всякий случай, от столбнячка. Вы последите за собачкой. Если в течение десяти дней с ней ничего не случится, то и ладушки, ну а если помрет — сразу к нам, срочно от бешенства укольчики делать. Сорок укольчиков в животик.

Приставкин покрылся холодным потом и кинулся к телефону. Он надеялся предотвратить уничтожение злобной суки. Но телефоны на хоздворе молчали. Приставкин опрометью выскоцил из поликлиники, схватил такси и помчался в Переделкино.

На хоздворе царил патриархальный покой. Злобной суки не было видно. Анатолий Игнатьевич, прихрамывая, в отчаянии бегал по безжизненному двору, пока наконец не возопил и на крик не вышла заспанная сторожиха. Она недовольно зевнула и перекрестила рот:

— Чего шумишь, милок?

— Слыши, старуха, тут собаку эту, суку, которую я приказал убить... того, кончили?

— Так кто же ее, милок, убивать-то будет? Хорошая собачка. Какой посторонний забежит, сразу укусит.

После этого Анатолий Игнатьевич десять дней подряд носил суке столовские котлеты и трогательноправлялся о ее здоровье.

«ЛР»

Николай БУШЕНЕВ

Целуй ещё, пока горячо.

Лезет в волки — берегитесь, тёлки.

Сколько сброду к бочке мёду.

Ложка дёгтю — тебя к ногтю.
Лучше поздно, но... серьёзно (о женитьбе и замужестве).
Лучше синица в руки, чем руки в брюки.
Лучше соли на хлебе, чем журавль в небе.
Хорош творог; да дорог.
На то и Щука в море, чтоб быть с Лебедем и Раком в ссоре.
Имея грош, на чужой рот пуговицы не нашьёшь.
Рай обещал, такой-сякой, избрали — свёл за упокой.
Не говори гоп, пока не дали в лоб.
Ура не крикнешь, пока не перепрыгнешь.
Не дай Бог мужику барства, а власть имущему — коварства.
Не дай Бог свинье рога, а жулику кусок общественного пирога.
Не нами началось, с Горбачёва повелось.
Не по хорошу мил, но транш нам посулил.
В кармане медный грош, но по милу хорош.
Не суйся в ризы, коли нос сизый.
Невелика птичка, но какова бричка!
Нет дыма без «Коксогима».
Новая метла казну вымела дотла.
На то и лесть, чтоб калачи есть.
Один в поле, а сто в холле. (Варианты: Один в поле, тридцать в офисе, сто в холле;
Один в поле, а сто в холле).
Те, кто заодно, все за одного.
Трели сатаны не делают весны.
Свора да склоки, око за око.
Скуп да туп, зуб за зуб.
От сумы да от тюрьмы уйдут жулики — не мы.
Одна паршивая овца купалась в роскоши дворца.
Плох тот солдат, кто не одет и не обут и кто не сыт и не подлат.
По сытому брюху не схлопотать бы плюху.
Коли в швейцарском банке счёт, виновную голову меч не сечёт.
Подальше положишь — доходы умножишь (о вкладах в загранбанках).
Рубль превращается в грош, что заработал, и то — шиш возьмёшь.
После драки те же врачи.
Когда пашут, кулаками не машут.
Против рожна попрёт одна мошна.
Пролитую в «Думе» воду да дачному бы огороду!..
Кто не пашет, не косит, голову кверху носит.
Пьяница проспится, да со страною простится.
Рассердясь на блох, что ж ты дремлешь, лох.
Прокемариш — пива не сваришь.
С суконным рылом не назовут милым.
И плут, и гад в калачный ряд.
Хам Сашу завалил, сам кашу заварил...
Бандиту плут поневоле друг.
Свой своему сумму в суму.

Елена ВОЛКОВА

БОЛЬШИЕ БАБЫ

рассказ

Светало. С утра Степану было не по себе. Налил было чай — отставил. Хмуро почесал бороду, крепко задумался.

— Закурю, — решил Степан.

— Опять напье-чч-а, — услышал он голос Алефтины, — что ж ты ее жрешь, отраву?

— Так не тебя же, — буркнул Степан.

— Кабы ты знал, как я тя ненавижу-то, — оживилась Алефтина.

— А я... я... Как я котов-то твоих ненавижу...

На этом склока в семье Балакиных обычно заканчивалась. Каждый шел заниматься своим делом. Алефтина толкla яичную скорлупу, а Степан отправлялся во двор набрасывать на себя сеть. Он искал дыры.

— Хоть мух побей, дармоед, — кричала обычно ему вслед жена.

Распутывает Степан сеть и думает:

— Ну, продам я их... А ну — продешевлю! А не продам... А ну — прогадаю.

... Пять лет назад Большебабский леспромхоз стараниями его директора Кудахина был преобразован в АО. Как водится, напечатали акции, провели первую эмиссию, три раза гоняли директорский УАЗик в область Устав утверждать. Бензина пожгли немеряно.

После утверждения Устава нагнали самогона, закололи поросенка и начали новую жизнь. Леспромхоз стал теперь называться «АО Большие Бабы»...

— Алефтина! Распутай меня, — крикнул Степан со двора, заваливаясь на бок.

— Да что ж ты некузявый какой, — говорила Алефтина, — не мужик, а морхлая пен-дюрка, — и привычно распутывала Степана.

На курином дворе зазвонил телефон. В Больших Бабах телефоном народ не удивить. Когда свое АО создали, сразу телефонную станцию закупили. Поговаривали даже, что у Кудахина в кабинете будто бы факс какой-то есть.

Тогда, пять лет назад, за дело дружно взялись. В первый год даже прибыль получили. Про «Большие Бабы» узнали в области. Приехал вице-губернатор, целый день рыбачил, в бане парился, кур ему коптили, три раза за коньяком в райпо посыпали. Бензину пожгли уйму. Предлагали даже на дельтаплане покатать, но шлема по размеру не нашли.

Вице-губернатор успехами АО остался доволен. Особенно ему понравились большебабские девицы из фольклорного трио «Голубка моя».

После первого визита гости зачастили — из района, из области, даже из федеральной службы занятости. «Голубок» три раза на областное телевидение возили. Бензину пожгли...

И когда в конгрое обнаружили первый «e-mail», Кудахин только и мог сказать:

— Ё-моё!

В e-mail-е просили отгрузить 58 кубометров фанерного кряжа. К тому времени в Больших Бабах уже появился свой деревообрабатывающий цех...

Когда же в поселок приехали хорошо одетые мальчики в белых рубашках? Точно вспомнить не мог никто. Только через пару недель прошел слух, будто бы вздымщик Васька Петухов продал им свои шестьдесят две акции. Но от него другого и не ждали — алкаш. Не-

сколько дней Ваську никто не видел. Кудахин послал Степана выяснить — куда это их вздымщик задевался.

Клавдия — жена Василия — чистила стаю и разговаривать со Степаном не стала:

— Уйди, собутыльник...

— Какой я теперь собутыльник, — — вздохнул Степан. — Акционеры мы с Васильком твоим...

Хотел Степан было уж возвращаться, только видит — пыль столбом на дороге. И все ближе к Васькиной халупе. Въезжает прямо в навозную кучу новая розовая «десятка». Дверца распахивается и Василий — непривычно выбритый, аккуратно стриженый, роскошный до неузнаваемости, в белом твидовом костюме — картофельным мешком вываливается наружу.

С водительского места поднимается лысый коротышка и нагло спрашивает, глядя на Клавдию:

— Это, что ли, Большие Бабы?

И Клавдия от неожиданности вдруг отвечает ему:

— Йес!

Новую «десятку» обмывали всем посадом. Виновник торжества обсыпал на полатях. Лысый коротышка оказался хватким мужичком. Акционеры, слушая его, обомлевали и забывали закусывать.

— Сидим мы, значит, с пацанами, — говорил коротышка, — утро раннее — часов одиннадцать. Вдруг появляется этот ваш, говорит: «Я из Больших Баб». Мы ржать. А он — хочу, говорит, крутую тачку. Ну, мы ему эту розовую дуру и впарили. Потом оказалось, что он водить не умеет. Пришлось за полштуки мне машину перегонять в ваши Большие... — тут он глянул на Клавдию — ... Бабы. Назавтра вечером селянки судачили у колодца.

— Продавать надо эти, как их, акции лешевы.

— А Клавдия-то сегодня в город ездила. Коротышка ее возил. Приехала стриженая — ровно квач для побелки...

Что творилось в поселке в следующий приезд мальчиков в белых рубашках! Они скупали акции АО «Большие Бабы» по цене подержанных «Жигулей».

Треть акционеров мгновенно перестали ими быть. Бабы хвастали у колодца новыми автоматическими зонтами и темными очками. А когда бабка Зоя поехала в район вставлять фарфоровые зубы, Кудахин понял, что пора вмешаться:

— Родину продаете, сукни дети! — кричал Кудахин.

— Чего продаешь? — не рассыпала глуховатая бабка Зоя, хищно блестя новыми зубами.

... Теперь в московском автосалоне, который открыл для Больших Баб вздымщик Васька, утром начиналось одинаково. Ровно в 11 в дверях появлялся очередной странный посетитель.

— Вы из Больших Баб! — радостно угадывал продавец-консультант.

— Да, — отвечал тот, — мне это... «десятку»... розовую.

— Давно вас ждут! — и продавец — резвый мальчик в белой рубашке — привычно распахивал дверцу машины.

НИКОЛАЙ УСАНОВ

РЕКВИЕМ СПОРТСМЕНУ

В местной газете появился некролог, посвященный безвременно погибшему чемпиону Северо-Запада по подводным путешествиям с аквалангом. Несколько недель назад чемпион объявил, что проплыл с аквалангом по одной из малых рек в Сухону. Вдруг героя выловили мёртвым аж у Котласа. Установив личность, не удивились — хотел проплыть одну реку, а проплыл три, превысил свои силы. Следствия возбуждать не стали. Чисто случайно к трупу подошёл японский турист. Его счётчик Гейгера заработал. Тут забеспокоились соответствующие комиссии. Радиация оказалась большой. Специалисты сказали: «Или он лежал на дне на ящике с ядерными отводами, или где-то сильно зараженная местность». Второе опаснее. Да и искать во втором случае легче, чем перерыть дно на трех реках. Катер с соответствующими приборами обошёл берега этих рек и радиации не нашёл. Значит, где-то на дне ядерный ящик. Найти его невероятно сложно будет. Легче терпеть вред.

Вдруг вскрытие трупа показало, что чемпион не захлебнулся. Значит, умер на суше. Почему его одели в водолазный костюм и спустили в реку. Ясно, заметали следы убийства. Нет, не ясно, так как никаких следов насилия на теле. Зачем же инсценировать утопление? Детальное вскрытие показало, что умер чемпион от радиации. Но где? Где та сильно зараженная местность?

Для выяснения на родину чемпиона направлен сыщик. Видно, кто-то виноват в радиации, раз скрывали причину гибели. Виной чьё-то преступное разгильдяйство. А еще важнее найти зараженную местность и устраниТЬ причину заражения. У чемпиона дома радиации не было, как и в ближайших магазинах. Сыщик ходил по Вологде с прибором, но ничего для дела не нашёл. Зато дома у чемпиона, нашёл его дневник. В последней записи говорится о собаке с иглами ежа. Значит, у спортсмена «поехала крыша». Но это ещё больше наpusкает тумана на вопрос о радиации.

Принялся сынок расспрашивать соседей. Сказали, что в соседнем Соколе кто-то умер от радиации. Приехал сынок и туда. Спрашивал у людей. Дали адрес погибшего. Говорил с его матерью. Рассказала, что сын умер от дождя. Работали на поле. Сын был в одних штанах — работал и загорал в то же время. После дождя сразу почувствовал себя плохо и вскоре умер. Врачи разъяснили, что туча шла от Чернобыля.

Но ведь это было немало лет назад! Таким путём столь далеко и столь долго не может продержаться сильная радиация. Тут источник местный. Но найти его сынок и здесь не мог. В этом городе есть кое-где незначительный фон, но не опасный для жизни. Вероятно, тут источник радиации ближе. Но установить, в каком он направлении, не удалось. Сыщик себе сказал:

— Где я хвост лисы утерял? — Сел, стал думать. Пересчитывает дневник спортсмена. Собака-еж. Из-за радиации может появиться мутант. Тогда можем по-другому взглянуть на дневник. Не как на записи сумасшедшего. Неплохо бы дать дневник графологу, чтоб тот определил по почерку, сошёл ли спортсмен перед смертью с ума. Ведь при сумасшествии, кажется, меняется почерк. Или нет? Надо бы учиться, знаний не хватает. Но работа получается, поэтому побеждаст другая мысль — обойдусь и без учебы. — Так размышляет сынок с собой. Еще бы дать почитать дневник психиатру, тот определит, сошел ли спортсмен с

ума. — А я разве не определю? Если он под конец сошёл с ума, будет заметна разница в изложении в начале и в конце дневника. Сыщик стал сравнивать, но разницы не уловил. Перед записью о собаке шло сообщение, что чемпион подружился в соседнем Соколе с дурачком. «С кем поведёшься...»?

Найти дурачка оказалось легко — таких знают все. Сыщик приехал в тот город и прямо на улице спросил, кто у них дурачок. — «Есть два братана», — люди назвали старшего, сказали, где живёт. Съездил сыщик в тот район Сокола. Но вышла осечка. Тот сроду не встречался с данным чемпионом. (А может врёт?) А его младший брат где? Младшего нет вообще, есть старший, живет в Москве. Далеко. Значит, люди напутали. Ушел бы сыщик ни с чем, но упомянул о малой реке, по которой начал чемпион последнее путешествие. Тут дон Мигель, собеседник сыщика, назвал человека, который оттуда. Сыщика это не заинтересовало. Эта нить тоже прервалась бы, если бы сыщик не заметил одну фразу собеседника — дон Мигель назвал своего друга дураком. Сыщик понял, что ехидные граждане всех дураков называют братанами. Не искомый ли то дурак? Так и вышло!

Найденный младший дурак сказал, что знает даже избушку, где живёт в лесу последняя любовница чемпиона. Сыщик спросил, уж не видывал ли дурак иглокожую собаку. Дурак несколько секунд мялся — хотел сказать, но сдерживал себя. Всё-таки болтливость переборла. Дурак признался, что видел эту собаку. А за деньги привёл сыщика к таинственной избушке в лесу.

Иглокожая собака давно сдохла. Лежала мёртвая перед избушкой. А в хижине труп старухи. — «Ты, дурак, ничего не перепутал?». «Не перепутал. Я понимаю, что Вы хотите сказать — что сеньора слегка старовата. Но именно с ней жил в последнее время Ваш чемпион. Пьяница ведь он был. А старуха его поила. А что ещё нужно пьянице?». Сыщик признал, что всё логично.

А причина смерти старухи? Сыщик схватился за прибор. Сильная радиация. Сыщик и дурак из избушки бегом. Впоследствии выяснилось, что дура сама притащила в избушку ящик с ядерными отходами. Но кому понадобилось всё это скрывать? Выкрали и бросили ящик мальчишки. Дело сразу получило огласку. Зачем труп кинули в реку? Если это сделали мальчишки, то они не стали бы его переодевать. Сыщик не заметил, что рассуждает вслух

Дурак тоже присунулся рассуждать, будто его просили. Что сделали верные друзья чемпиона, спрашивал сам себя дурак. Чемпион широкой публике не известен. Гнался всю жизнь за славой, а умер любовником старухи-дуры. Как его прославить? Пусть он умрет героем, занимаясь спортивным подвигами. Пусть его смерть прогремит, пусть о ней напишут. Это и сделали его друзья — переодели труп и в акваланге спустили в реку. Это всё дурак ответил сам себе. А сыщик грозно спрашивает: «Ты видел?»

— Если даже бы видел, на следствии не сказал бы: зачем вредить людям!?

г. Сокол

О ВИТАЛИИ БАКУМЕНКО

Родился Виталий Маркович Бакуменко в г. Кривой Рог, Днепропетровской области, 9 марта 1937 г. Как раз в разгар сталинских репрессий, когда Украина лишилась практически всей своей творческой и научной интеллигенции. Более 95% писателей, артистов, художников и ученых было расстреляно и «замордовано» в ГУЛАГах. Досталось тогда всем, и россиянам в том числе. Но такого большого процента уничтоженной интеллигенции не потеряла ни одна из наций... Может, поэтому наша независимость ныне и явила миру такую беспомощность...

Из-за нищеты в многодетной семье простого шахтера не было много, а не только книг. Тем удивительней возникшая у него любовь к чтению. И земной поклон той школьной библиотечной работнице, которая развила ее и направила, давая для чтения интересные и необходимые книги. Это была одна из тех случайностей, которые формируют наши судьбы.

По окончании Днепропетровского музыкального училища им. М. И. Глинки Виталий, получивший необходимый урок самостоятельности, едет в Москву, где поступает в музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (ныне Российской Академия музыки). Здесь окончательно сформировалась его внутреннее ощущение, что он будет заниматься и журналистикой. Его дипломная работа «Частный оперный театр С. И. Мамонтова и его значение в истории русского музыкального театра» получила высокую оценку, и ему настоятельно советовали совмещать певческую деятельность с музыкально-критической работой.

После поступления в Большой театр, куда его приняли после конкурса, началось формирование личной библиотеки Виталия. Она должна была стать инструментом в его журналистской работе. Составлял он ее продуманно и целенаправленно. Основой стали книги о музыке, театре, изобразительном искусстве, философии, литературоведении, краеведении. Много было собрано справочной и энциклопедической литературы, а почетное место выделено для украинских писателей, начиная с Г. Сковороды, Т. Шевченко, Леси Украинки. Все это дало возможность экономить время на посещении публичных библиотек — необходимое всегда под рукой.

В 2004 году Виталий Маркович отмечает сорокалетие своей журналистской работы. В списке его публикаций значится 620 позиций. Их могло бы быть в несколько раз больше, когда бы не «служил двум богам». Но вряд ли жизнь от этого стала бы интересней...

Виталий Бакуменко пишет не только о мире музыки. Собирая библиотеку, он увлекся экслибрисом — этим маленьким чудом, неотделимым от книги. И теперь в его писательской деятельности пропаганда экслибриса занимает ведущее положение. Из того, что им уже выпущено в свет, назовем лишь издания, связанные с книжным знаком: «Есениниана Василия Леоненко», «Валерий Покатов — художник книги и экслибриса», «Экслибрисы Федора Молибженко», «Пушкиниана Евгения Синилова», «Слово о полку Игореве в экслибрисе», «Образ Пушкина в экслибрисе», «Экслибрисы Федора Константинова». Его вступительные статьи включены в мини-книжку «Буквицы Вячеслава Лукашова» и в цикл миниатюрных книжек, посвященных иллюстраторам романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» — В. В. Гельмерсену, Н. В. Кузьмину, М. В. Добужинскому, Ф. Д. Константинову. В соавторстве с известным коллекционером экслибрисов В. Д. Перкиным они выпустили в свет каталог-альбом «Книжные знаки В. В. Лукашова».

За три десятилетия увлечения искусством книжного знака Виталий Бакуменко собрал огромную коллекцию экслибрисов. Только на свое имя у него имеется 250 знаков, созданных художниками всего

бывшего СССР. Это ли не высокая оценка его искусствоведческих публикаций художниками? Коллекция служит не только в качестве иллюстраций для его многочисленных публикаций, но и для организации разнообразных тематических и монографических выставок книжного знака.

Николай Неймеш

Виталий БАКУМЕНКО

ЭКСЛИБРИСЫ КАК СТИХИ

Более полувека своей жизни посвятил известный художник Евгений Николаевич Голяховский (1902-1971) изобразительному искусству. Сын учительницы и художника-архитектора, он еще дошкольником стоял рядом с отцом с мольбертом на этюдах. Поступив в реальное училище в Ейске, юноша получил возможность учиться рисовать у выпускника Академии художеств П. Кузнецова. Позже Евгений Голяховский закончил художественный техникум в Краснодаре.

Поселившись в 1930 году в Москве, Е. Голяховский начал работать в журналах «Искусство» и «Художник», активно сотрудничая и в ряде столичных издательств.

В 1937 году Е. Голяховский, по рекомендации академика И. О. Грабаря, был принят на 4-й курс художественного института им. В. И. Сурикова, в мастерскую выдающегося художника-ксилографа Алексея Ильича Кравченко. Именно там Голяховский выработал свой графический стиль. Об этом свидетельствуют серии иллюстраций к «Станционному смотрителю» и «Полтаве» А. С. Пушкина, выгравированные в институте.

Во время войны Е. Голяховский работал во фронтовой газете.

В послевоенные годы Голяховского прославили незаурядные гравюры к произведениям Шекспира, Мольера, Гёте. Увлеченно мастер создавал иллюстрации к книгам Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Фонвизина, Льва Толстого, Короленко, современных писателей.

Самое крупное достижение Голяховского той поры — гравюры на дереве к книге «Современники Шекспира». Здесь наиболее ярко проявились характерные черты стиля художника: склонность к острожетенным театрализованным ситуациям и умение создавать волнующие романтические образы. Свойственный

легкому и изящному почерку Голяховского артистизм, как нельзя лучше соответствовал характеру иллюстрируемого текста. Как гравер Голяховский создал новое, самостоятельное, никем раньше не применяемое сочетание классической ксилографии с быстрым и легким рисунком пером и кистью. Это позволило мастеру находить новые решения в соответствии стране, эпохе, стилю, характеру народа. В гравюрах Голяховского многое напоминает рисунок,

поэтому большое место в них занимает свободная от штриховой нагрузки белая плоскость. В своих последних листах он часто прибегал к идеально вынутой из зачерненной доски белой рисующей линии. Сочетание рисуночно-линейного и ксилографического языка использовалось художником изысканно и артистично. Порой одной линии, филигранно прорисованной необычайно уверенным резцом оказывалось достаточно для передачи целой гаммы мыслей и эмоций...

Е. Н. Голяховский проиллюстрировал и оформил более 300 книг. Они остались в истории русской культуры образцами высокого мастерства и большой любви к книге, к литературе.

Увлечение гравюрой началось у Евгения Николаевича Голяховского с экслибриса: первые книжные знаки художника были его первыми гравюрами на дереве. Художник книги, мастер книжной иллюстрации Голяховский прекрасно понимал функциональную связь книги и экслибриса. Голяховский создал 275 экслибрисов. Эти чудесные композиции обогатили творчество мастера, предоставив редкую возможность для поиска, импровизации, экспериментов, в каждом знаке художник проявил изобретательность и неистощимую фантазию. Это проявилось не только в оригинальности композиционных решений, но и в раскованности, блеске шрифтовых решений. Вот что писал один из первых исследователей творчества Голяховского Пауль Амбур:

«Стремление найти наиболее точное образное решение, являющееся синтезом многих компонентов и позволяющее ярко и полно выразить замысел каждого экслибриса, помогало художнику создавать подлинные произведения искусства. Его экслибрисы — это нередко подлинные новеллы, глубокие по содержанию и очаровательные по исполнению. Их можно рассматривать часами, «читая», как стихи, и находя в них каждый раз всё новое и новое».

Не прекращая работы над книжными иллюстрациями, Голяховский всё больше времени отдавал созданию книжных знаков. Здесь творческая фантазия художника была полностью свободной в своем проявлении и в воплощении любого замысла. В последние годы жизни стремление к лаконичному языку в экслибрисах привело мастера к переосмысливанию его открытия. Только теперь он на зачерненной доске начал прорисовывать необыкновенно плавную, ритмичную, свободную белую линию, поразительно певучую и максимально выразительную. Этот прием позволит художнику создать целую галерею миниатюрных шедевров. Эти экслибрисы отмечены тонким вкусом и чувством меры, ра-

дуют красотой, поэтичностью, гармонией. Изобретательные шрифты Голяховского напоминают затейливый, диковинный узор или стремительный росчерк. Эти шрифты не только украшают, но и обогащают композиции мастера, как бы связывая их в нерасторжимое целое. Существуют в творческом наследии художника и чисто шрифтовые книжные знаки. Создается впечатление, что Евгений Николаевич непрерывно сочинял шрифтовые комбинации — так много у него шрифтовых находок, счастливых озарений, блестательных идей. Этот большой художник был оригинален во всем. Одна сигнатура Голяховского чего стоит: небольшой пятилистный цветок, вписанный в круг:

Эклиптическое творчество Евгения Николаевича Голяховского стало вершиной его плодотворной жизни в изобразительном искусстве. В истории искусства графики XX века художник остался как выдающийся мастер книги и творец уникальной сюиты классических книжных знаков.

ФАКТЫ И МНЕНИЯ:

О правовом государстве: «Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили все их небогатое наследство».

Ш. Перро «Кот в сапогах»

Недавно в Вологде защитил кандидатскую диссертацию Александр Юрьевич Киров. Тема — «Лирический роман в поэзии Рубцова». Научный руководитель — профессор В. Н. Бараков.

«И не надо молчать, что Татьяна Иванова изначально в своих статьях восхваляла Сергея Викулова, за что получила от того приглашение на работу в журнал «Наши современники», и только потом обрушилась с руганью на консерваторов. Не нужно скрывать статьи белоэмигрантской (да и нашей отечественной) прессы о тесных контактах Натальи Ильиной с советскими чекистами (ведь ссылается же Чупринин на слухи, будто Юлиан Семёнов «активно сотрудничал с органами КГБ СССР»). Да, Альберт Лиханов, конечно же, не ангел, и, наверное, статьи о финансовых скандалах в возглавляемых им организациях небезосновательны. Но почему нет ни слова о скандале, который вызвал в перестройку Гр. Бакланов, напечатав у себя в «Знамении подмётное и провокационное письмо о «Памяти», разжигавшее среди читателей рознь? Я так думаю: надо или писать обо всех — всё, или обо всех приводить одни анкетные данные. А выборочно осуждать — тут ума большого не надо».

«Лит. Россия»

Стихи последних лет

Галина ШВЕЦОВА

ЛИСТОПАД

Деревья выстроились в ряд —
высокие деревья!
Какой спокойный листопад
Сегодня над деревней.
И мой сосед — еще малец! —
сметает листики с крылец,
и их набрав немножко,
швыряет — видел бы отец! —
в раскрытое окошко...
И в доме осень, наконец!

Валентин ШАГИНОВ

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Мелкий-мелкий,
Нудный-нудный,
Надоедливый,
Простудный,
Моросит и моросит,
Грязь на улице месит.

Как ему не надоело
Это пакостное дело?
Непрерывно льет и льет
Всю неделю напролет.

Льет на шляпу,
Льет на плечи.
А еще, я вам замечу,
Льет порою (вот шутник!)
Прямо мне за воротник
И стекает по спине...

Нет не нравится он мне!

Владимир БОРИСОВ

ПРО МОРОШКУ

Мне давно охота
сбегать до болота
и набрать ведро морошки впрок.
Комары да мошки
возле той морошки
каждый год мне задают урок.

Вижу на болоте
кочки в позолоте,
желтым цветом ягоды горят.
Наберу морошки.
Не дрожите, ножки,
вы сюда притопали не зря.

Ягод на варенье
и стихотворенье
из болота я несу домой.
Мы с тобой, Тамара,
чай из самовара
будем пить с морошкою зимой.

п. Кадуй

Александр ДУДКИН

Пожалуйста, улыбочку. Не плачь.
Ну фоточку на вечность мне оставь.
И форточку, будь ласкова, открой.
Дым выгони. Опять её закрой.

Проветрится душа твоя, мой друг,
не вдруг, не вдруг, не вдруг, не вдруг,
не вдруг...

Она простынет, а потом с ума
сойдёт сама, сама, сама...

Пожалуйста, буль ласкова, скажи,
как наши разговоры хороши,
как светел свет и холоден туман
и нет, как не было, смертельный ран.

n. Кадуй

Геннадий БАХВАЛОВ

* * *

О потерях прошлого не плачу,
Нету слез — их высушила грусть.
Если что-то в этой жизни значу,
Я России в ноги поклонюсь.
Ты одна понять меня сумеешь,
Ты одна, которой верю я,
Ты одна мне сердце отогреешь.
Помолюсь, Россия, за тебя.

г. Устюжна

Алексей ВЕСЕЛОВ

* * *

Рассыпались радостью мгновения
Одиночных слез и пылких фраз.
На колени падал, и моления
Исторгались вон. В который раз,
За окном настыпал мне ветер
Песенку из глупого кино.
Ты сидела, руки — словно плети;
Ты молчала. Было все равно.
Водку пил. Стакан шел за стаканом.
Злость душил. Залить пытался горе.
Ты сидела вычурным болваном,
И в глазах всегда плескалось море.
Утонуть хотел, увы! умею плавать.
Странгулировать? Так шея ж как бревно.
Так, сидели друг напротив друга.
Ты молчала. Было все равно.
Слов полоски разбивают камни
Тишины, рожденной тобой.
Если ты не веришь в мои сказки,
Черт с тобой! Иди одна, домой!
Я скакал безумной обезьянкой;
Я шаманил; проклял этот миг;
Ничего не стало; лишь немножко
Приоткрылась дверца в иллюзорный мир.
Там, внутри, была ты так приятна.
Мне поверив безо всяких «но».
А потом, вдруг, стало так отвратно.
Ведь ты молчала. И было все равно.

Журнал ищет спонсоров

20-00

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

31

Общественный совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Поншехонов, А. П. Смолин, М. А. Полетова,
М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина, 2. Союз писателей. Вячеславу Белкову

Сдано в набор 06.01.04. Подп. в печать 16.01.04.
Заказ № 570

Вологда
2004

31